

Иван Спиридонов

Посмертный эпикриз

18+

Иван Спиридонов

Посмертный эпикриз

«Автор»

2026

Спиридонов И.

Посмертный эпикриз / И. Спиридонов — «Автор», 2026

«Посмертный эпикриз» Артём — обычный студент-медик. Он живёт один в старой хрущёвке, много учится и пытается справляться с тревожностью. Но однажды в его квартире появляется запах, которого не должно быть. На матрасе проступают чёрные пятна. В зеркале мелькает тень. А за стеной, где живёт уехавшая соседка, кто-то начинает ходить по ночам. Артём — будущий врач. Он привык искать объяснения. Но что делать, если реальность отказывается подчиняться диагнозам? «Посмертный эпикриз» — это история о том, как быстро рушится граница между разумом и безумием, когда человек остаётся один на один с тем, что невозможно объяснить.

© Спиридонов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я старался	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Посмертный эпикриз

Я старался

Посмертный эпикриз

Глава 1. Возвращение

Метро пахнет по-особенному в этот час — уже не вечерней давкой разгоряченных тел, но еще и не утренней стерильной пустотой. Пахнет сыростью, нагретой пылью на лампах дневного света, металлической окалиной, которую ветер гоняет по тоннелям десятилетиями, и чем-то еще — тем особым запахом подземки, который не выветривается никогда. Он въелся в бетон, в мраморную крошку полов, в обивку сидений, в поручни, за которые держатся миллионы рук. Запах усталости. Запах обреченности. Запах людей, которые каждый день спускаются под землю, чтобы перебраться из одной точки города в другую, и никто из них не думает о том, что находится за стенами тоннеля. О толще земли. О темноте. О том, что отделяет их от этой темноты всего лишь слой бетона и керамической плитки.

Артем сидел на жестком сиденье, прижимая к себе рюкзак с конспектами по патологической анатомии, и смотрел в темное окно напротив. Точнее, пытался смотреть. Окно отражало его самого — парня двадцати одного года, среднего телосложения, в красной клетчатой рубашке, надетой поверх белой футболки, в синих джинсах и стоптанных кроссовках. Лицо бледное, под глазами тени, которые не проходят даже после восьмичасового сна. Волосы русые, давно не стриженные, спадают на лоб. Взгляд усталый, немного затравленный. Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли ждать подвоха от каждого темного угла, от каждого незнакомого звука, от каждой случайно брошенной фразы.

Паранойя — его старый спутник. Диагноз, поставленный еще на втором курсе университетским психиатром, которого Артем посетил ровно один раз, после того как месяц не мог спать, проверяя по десять раз, заперта ли входная дверь. «Тревожно-параноидное расстройство личности, легкая форма», — было написано в заключении, которое он так и не отдал в деканат. Зачем? Стигма психического заболевания среди будущих врачей — это клеймо на всю карьеру. «Сам справлюсь», — решил он тогда. И справлялся. Более-менее. Иногда таблетки, иногда дыхательные упражнения, иногда просто усилие воли, чтобы не обернуться на звук шагов за спиной в пустом переулке.

Сегодня шагов за спиной не было. Сегодня вообще все было тихо и обыденно. Артем ехал домой после долгого дня. Сначала четыре пары — две лекции и два семинара. Потом отработка в анатомичке, где они с одноклассниками препарировали ткани под наблюдением вечно недовольного профессора Маслова. Потом библиотека, конспекты, подготовка к зачету. Зачет через неделю, а материала — гора. Артем чувствовал, как в висках пульсирует тупая, знакомая боль — спутник переутомления и недосыпа.

Он посмотрел на свое отражение в темном стекле. Отражение смотрело на него в ответ — усталое, измотанное, с красными прожилками в глазах. «Надо выспаться», — подумал Артем. «Просто выспаться, и все пройдет». Это была его мантра последних трех лет. Просто выспаться. Просто отдохнуть. Просто перестать думать о том, что за тобой кто-то следит. Просто убедить себя, что это все — игра воображения, уставший мозг, проекция внутренних страхов. Просто.

Динамик над дверью вагона издал характерный щелчок, предваряющий объявление. Сначала пошел треск, потом шум, похожий на дыхание, и только потом — голос диктора. Искаженный, глухой, словно доносящийся из-под толщи воды, как сказал бы поэт. Артем не был поэтом. Он был будущим врачом, и его мозг автоматически отметил: «акустические искажения, вероятно, неисправность оборудования, следует сообщить машинисту». Но он никуда не сообщил. Просто сидел и слушал.

«Станция... Пятницкое шоссе...»

Странно, но название его родной станции прозвучало как-то зловеще. Хотя что в нем зловещего? Пятницкое шоссе — обычный спальный район на окраине города. Хрущевки, панельные девятиэтажки, пара торговых центров, школа, поликлиника. Ничего особенного. Ничего страшного. Но сейчас, в этом искаженном шипении и треском голосе, название прозвучало как приговор.

Артем встал. Вагон качнуло — поезд замедлял ход, приближаясь к платформе. Он поправил лямку рюкзака на плече, проверил, не забыл ли чего на сиденье (нет, ничего не забыл, но проверить надо было — паранойя), и направился к дверям. В вагоне, кроме него, оставалось еще человека три-четыре: пожилая женщина с сумкой-тележкой, парень в наушниках, двое подростков, листающих что-то в телефоне. Обычные люди. Обычный вечер.

Двери открылись с шипением. Артем шагнул на платформу.

Здесь было почти пусто. Оно и понятно: час пик давно прошел, а до закрытия метро еще далеко. Редкие пассажиры спешили к эскалаторам, не глядя по сторонам. Артем тоже пошел, но медленнее. Он всегда ходил медленнее, чем остальные. Привычка осматривать пространство, оценивать угрозы, фиксировать потенциальные источники опасности. Вот — лужа на полу, можно поскользнуться. Вот — группа подростков у автомата с кофе, лучше обойти. Вот — открытый люк (нет, показалось, просто темная плитка). Вот — человек стоит у колонны, слишком неподвижно, слишком...

Стоп.

Артем обернулся.

У колонны никого не было. Только тень, которую отбрасывал автомат по продаже билетов. Тень действительно напоминала человеческую фигуру, но это была всего лишь игра света и воображения. Артем мысленно одернул себя: «Хватит. Прекрати. Никого там нет». Но сердце уже забилось чуть быстрее, и знакомая волна холода пробежала по затылку. Таблетку, что ли, выпить? Нет, последнюю он принял утром. Следующую — перед сном. Так прописано. Так правильно.

Он заставил себя идти дальше.

Эскалатор был пуст. Артем встал на ступеньку и поехал вверх, глядя на рекламные щиты, проплывающие мимо. Реклама фитнес-клуба, реклама доставки еды, реклама какого-то фильма ужасов с кричащим названием и изображением черепа. Артем поморщился. Он не

любил ужасы. Слишком много ужасов ему хватало в собственной голове, без всяких фильмов и книг.

Наверху его встретила тишина. Такая густая, вязкая, почти осязаемая тишина, какая бывает только поздней осенью в спальных районах. Ни шума машин, ни голосов прохожих, ни музыки из открытых окон. Только ветер, холодный и влажный, задувающий за воротник.

Артем вышел из метро и остановился.

Что-то было не так.

Он не сразу понял, что именно. Вроде бы все как обычно: фонари горят, правда, тусклее обычного (баланс напряжения в сети, подумал он). Асфальт мокрый после дождя (дождя не было, но, может, просто поливальная машина проехала). Воздух пахнет осенней прелью и... чем-то еще. Чем-то сладковатым и неприятным, как запах из вентиляции в анатомичке.

Артем глубоко вдохнул, пытаясь идентифицировать запах. Ноздри дрогнули. Да, определенно — запах формалина. Или чего-то похожего. Но откуда? До университета два часа езды. Одежда чистая, халат он сдал в прачечную. Может, просто показалось? Может, у него уже обонятельные галлюцинации на фоне переутомления? Это случается, они проходили на психиатрии. Сенсорные иллюзии. Ложные ощущения. Ничего страшного. Надо просто выспаться.

Он зашагал к дому.

Маршрут был привычный, выученный наизусть за два года проживания в этом районе. От метро — прямо, мимо торгового центра, потом через двор, мимо детской площадки, мимо трансформаторной будки, разрисованной граффити, мимо гаражей, и наконец — через арку во двор, где стояла его хрущевка. Можно было пойти длинным путем, по освещенной аллее. Но короткий путь через арку сэкономил минут пять, а ноги гудели после целого дня на ногах, и хотелось поскорее оказаться дома, запереть дверь на все замки и рухнуть в кровать.

Артем дошел до арки и остановился.

Арка была старой, построенной еще в шестидесятых вместе с домом. Высокий арочный проход соединял два двора, и днем через него постоянно ходили люди. Но сейчас, в одиннадцатом часу вечера, здесь было пусто. И темно. Лампочка под сводом перегорела еще весной, и коммунальщики не спешили ее менять. Внутри арки царила абсолютная, плотная, почти физически ощутимая темнота. Она казалась не просто отсутствием света — она казалась чем-то присутствующим. Чем-то, что заполнило проход от стены до стены, от пола до потолка, и ждало.

«Господи, Артем, тебе двадцать один год, ты студент медицинского, ты будущий врач и ученый, — мысленно произнес он, стараясь придать внутреннему голосу максимум сарказма. — Ты стоишь перед аркой и боишься темноты, как пятилетний ребенок. Поздравляю. Ты достиг дна».

Сарказм не помог. Темнота в арке не стала менее пугающей от осознания собственной глупости. Она оставалась такой же черной, такой же плотной и такой же чужой.

Артем вдохнул. Выдохнул. Сжал лямку рюкзака покрепче.

«Двадцать метров. Всего двадцать метров. Ты проходил здесь тысячу раз. Ничего там нет. Там просто темно. Темнота — это не монстр, это просто отсутствие фотонов. Включи логику».

Он включил фонарик на телефоне. Белый луч выхватил из мрака грязные кирпичные стены, исписанные граффити и объявлениями, ржавый остов старого велосипеда, прислоненный к стене, лужу на асфальте, в которой отражался свет фонарика. Никаких монстров. Никаких теней. Только старая арка, пахнущая плесенью и кошками.

Артем шагнул внутрь.

Звук шагов немедленно изменился. На открытом пространстве они были глухими, почти неслышными — кроссовки мягко пружинили на асфальте. Но здесь, под сводом арки, шаги стали гулким, множась эхом. Каждый шаг отдавался от стен, от потолка, возвращался обратно искаженным, и Артему на секунду показалось, что в арке идет не один человек, а несколько. Он и кто-то еще. Кто-то, кто шагает прямо за ним, повторяя его движения.

Он резко обернулся, направив луч фонарика назад.

Пусто.

Никого.

Только вход в арку, через который виден кусочек освещенной фонарем улицы, да лужу на асфальте.

Артем выругался сквозь зубы и пошел дальше, уже быстрее. Двадцать метров. Десять. Пять. Он почти бежал. Светлое пятно выхода впереди росло, становилось ближе, и наконец он выскочил из арки во двор, тяжело дыша, с колотящимся где-то в горле сердцем.

И тут же почувствовал себя полным идиотом.

Двор был абсолютно обычным. Знакомый двор, в котором он жил два года. Детская площадка с покосившимися качелями. Скамейка, на которой по вечерам сидели местные бабушки. Ржавая «Газель», вечно припаркованная у третьего подъезда. Фонарь над подъездом, который ритмично мигал, словно подмигивая ему. И его хрущевка — четырехэтажное кирпичное здание с облупленной штукатуркой и деревянными рамами, которые помнили еще Брежнева.

Артем остановился, переводя дыхание. Сердце постепенно успокаивалось. Мысли возвращались в привычное русло. «Вот видишь? Ничего страшного. Просто темная арка. Просто усталость. Просто паранойя. Завтра купишь лампочку и сам вкрутишь ее в этой чертовой арке, чтобы не накручивать себя по вечерам».

Он подошел к подъезду. Тяжелая железная дверь, облупленная и разрисованная граффити, была приоткрыта — доводчик сломался еще в прошлом году, и жильцы привыкли просто захлопывать ее за собой. Артем потянул дверь на себя. Она поддалась с мерзким, протяжным скрипом, который разнесся по всему двору. Надо бы смазать петли. Когда-нибудь. Не сегодня.

Внутри пахло, как всегда в старых подъездах: сырой штукатуркой, кошачьей мочой (где-то на втором этаже жила баба Нюра, которая подкармливала бездомных кошек, и те метили углы в благодарность), хлоркой, которой мыли пол раз в неделю по средам, и еще чем-то — старым деревом, пылью, временем. Запах, к которому Артем давно привык. Почти родной.

Лампа дневного света над почтовыми ящиками, как обычно, не горела. Вандамы выкрутили ее месяц назад, а электрик все не шел. Единственный источник света — мутное, засиженное мухами окно между первым и вторым этажом, через которое с улицы пробивался оранжевый свет фонаря. Этого света едва хватало, чтобы разглядеть ступеньки и не споткнуться.

Артем подошел к лестнице. Лифт не работал — висела унылая бумажка с печатью ЖЭКа: «Лифт на техническом обслуживании. Приносим извинения за временные неудобства». Эта бумажка висела уже месяц. И еще месяц провисит. И еще. В этой стране, в этом районе, в этом доме все ремонтировалось медленно и неохотно, словно сам дом сопротивлялся любым изменениям.

Он начал подниматься. Ступеньки скрипели под ногами — старые, деревянные, выщербленные по краям. Перила шатались, и Артем предпочитал держаться ближе к стене, чтобы не свалиться в лестничный пролет. Он поднимался медленно, экономя силы. После целого дня на ногах каждый шаг давался с усилием.

Первый этаж. Второй.

На площадке второго этажа он остановился. Ему показалось или он действительно услышал какой-то звук? Шаги? Нет, просто эхо собственных шагов, отраженное от стен. Или...

Тишина.

Он прислушался. Тишина была полной, почти неестественной. В старых домах всегда есть звуки: где-то капает вода, где-то гудит холодильник, где-то бормочет телевизор, где-то ругаются соседи. Но сейчас не было ничего. Словно дом затаил дыхание. Словно дом ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.